

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В 1920-Е ГОДЫ

Мусина Н.Е.

*УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет»*

1920-е годы - это период становления и формирования человека нового социалистического общества. Молодежь стала главным объектом целенаправленного воздействия со стороны партийно-государственного руководства в этом процессе. Для того, чтобы объективно и всесторонне оценить эффективность подобного воздействия, важно рассмотреть настроения молодых людей, различные установки, формы поведения, в том числе и отклоняющиеся (девиантные).

Долгое время при изучении истории советского общества многие аспекты повседневной жизни молодежи не охватывались. Это, прежде всего, некоторые «теневые стороны», которым «не должно было быть места при социализме». Если подобные попытки и предпринимались, то обычно для их обозначения использовались такие термины, как асоциальность, аморальность, социальная аномалия, антиобщественное поведение и т.п.

С точки зрения теории девиантности, возможны как позитивные, так и негативные формы отклоняющегося поведения. Оценка негативности зависит от принятых в конкретном обществе культурных норм. Помимо традиционных (пьянство, хулиганство, проституция, самоубийства) советское общество 20-х годов сформировало свой перечень явлений, считавшихся девиантными. В их числе были, например, проявления мешанства, антисемитизма и сионизма, упадничества и другие «наследия прошлого режима», индивидуализм, аполитичность, пессимизм, антисоветские настроения, несогласие с партийными

установками в ходе партийных дискуссий, уклонение от участия в праздновании революционных праздников, кокетство, жеманство и проч. При этом избличать, «выявлять» тех, кто скрыл свое социальное происхождение, считалось нормой. А скрывать, кто твои родители, если они, например «лишенцы» (лишенные избирательного права) считалось недостойным. В учебных заведениях к концу 20-х годов одним из направлений воспитательной работы стала борьба с «классово-чуждыми элементами» и идеологически вражескими настроениями. Какие-либо проявления организованного протеста также осуждались. Так, например, «Заря Запада» писала в 1928 г. о том, что часть студентов Витебского художественного техникума, в том числе комсомольцы, «решили сорвать занятия, чтобы привлечь внимание» к неудовлетворительным условиям проживания в общежитии. Подобные действия названы были «забастовкой», «возмутительной в условиях советского учебного заведения», и требовали резкого осуждения действий студентов художественного техникума [1].

Из социальных аномалий в сфере полового поведения были ранняя половая жизнь, половая распущенность, проституция. Проституция осуждалась, предпринимались меры по ее изжитию. Причины ее виделись в неблагоприятной социально-экономической среде прежнего царского режима. Действительно, во многом проблема проституции осталась от прежних лет. Считалось, что революция уничтожила социальные корни этого зла, но как явление оно продолжало существовать и в 20-е годы прошлого века. Основные причины, вынуждающие девушек к занятию проституцией, были низкий уровень жизни и безработица. Женская безработица напрямую была связана с проституцией. Проблема эта стояла остро «Безработных женщин на 1 Мая (1924 г.) по укрупненной Белоруссии 8 865»; «Общая безработица в БССР имеет тенденцию к росту, в особенности это относится к женской безработице..., в Минске мы имеем 52 процента безработных женщин, а в Витебске – 54 процента», - сообщалось в документах тех лет [2, с. 131, 137]. Проблема эта, безусловно, касалась и молодежи.

Другой проблемой и проявлением отклоняющегося поведения в молодежной среде было пьянство. Борьба с алкоголизмом была отнесена к числу важнейших ближайших социальных задач, считалась необходимой для становления нового общества. В декабре 1919 г. было принято постановление СНК РСФСР «О запрещении в РСФСР без разрешения продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» – так называемый «сухой закон». Однако уже в августе 1925 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР о введении в стране государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков. Советское правительство вводило водочную монополию как вынужденную меру, необходимую для экономического подъема страны, предполагалось, что не надолго. Аналогичная политика проводилась и на территории Беларуси. К концу 20-х годов в среднем по РСФСР, УССР и БССР потребление водки и самогона на душу населения было 6,25 л, что составляло около 72 % от уровня душевого потребления алкоголя в 1913 г. На Беларуси увеличилось количество спиртзаводов (в 1925-1926 гг. – 17, в 1927-1928 гг. – 25) и выпускаемой ими продукции с 5337 тыс. л в 1925-1926 гг. до 11 250 тыс. л в 1927-1928 гг. По данным проведенного в те годы исследования, если с 1925 по 1927 г. бюджет

рабочих семей увеличился на 19 %, то расход на алкоголь вырос на 40 %, расход на культурные потребности снизился на 12 % [3, с. 120, 108-109].

Быстрый рост потребления алкоголя, тяжелые экономические последствия (прогулы, снижение производительности труда и пр.) не могли не вызвать тревогу. В конце 20-х годов начала проводиться государственная политика по ограничению продажи водки, борьба с самогеноварением. В эти годы борьба с пьянством и алкоголизмом проводилась как по административно-правовой, так и по медицинской и воспитательной линиям. В воспитательно-просветительскую работу среди молодежи включились профсоюзные и комсомольские организации. Однако и в комсомольской среде пьянство было одной из самых распространенных форм нарушения обычной жизни. О фактах пьянства среди комсомольцев неоднократно говорилось в бюллетенях, директивных письмах ЦК ЛКСМБ районным ячейкам, в отчетах, результатах обследования дел в отдельных организациях. Часто причиной исключения из комсомола являлось именно пьянство. Политсуды, исключения, лозунги, создание обществ (Общество по борьбе с алкоголизмом – ОБСА), лекции и беседы антиалкогольного содержания, конечно, имели определенный эффект, но для решения этой проблемы все же нужны были не отдельные меры кампанийского характера, а долговременная политика и последовательное осуществление намеченных планов в этом направлении.

В 20-е годы случаи суицида интенсивно изучались психиатрами и юристами. Однако результаты исследований практически не учитывались затем в социальной практике. Постепенно общепринятой становилась точка зрения, согласно которой сама атмосфера, создаваемая в советском обществе является лучшим предупреждающим и лечебным средством подобных случаев. Общественному мнению навязывалась мысль, что в советском обществе не может быть причин, побуждающих к суициду и что только социально неполноценные люди склонны к такого рода поступкам. Подобным духом, в частности, была проникнута статья наркома здравоохранения СССР Н.А. Семашко «Цветы жизни», опубликованная в газете «Заря Запада» в июле 1926 г. Рассуждая о причинах самоубийств среди молодежи на основе обследованных им случаев, он пишет, что почти во всех случаях встречается: «деклассированный элемент», «разложенец», а кроме этого – неудачная любовь, ревность и т. п., что, по его мнению, является лишь отголосками старого быта. «Наши» «цветы жизни» - это борьба за осуществление коммунистических идеалов и принципов. «На фоне этой «красоты принципов» будут таять отдельные черные пятна личной неудачи ...», - вызывает к молодому поколению Семашко Н.А. [4]

Судя по архивным документам, случаи самоубийств среди молодежи в 20-е годы внимательно изучались партийным и комсомольским руководством, и хотя бы в секретной переписке назывались их истинные причины. Так, например, в письме ЦК ЛКСМБ Витебскому окружному (1924 г.) сообщалось: «В последнее время участились случаи самоубийств комсомольцев и беспартийных парней на почве материальной необеспеченности, семейных обстоятельств, затравливания и др. причин (Минск, Витебск). ЦК считает необходимым указать всем Окружкам на важность изучения всех отдельных случаев самоубийств или покушений на таковые и результаты изучения присылать в ЦК» [5, л. 86]. Мотив – материальное положение – фигурирует довольно часто. Среди других мотивов назывались неразделенная любовь, разочарованность жизнью, «на романтической

почве», исключение из комсомола. На все подобные случаи со стороны комсомольских организаций должна была последовать реакция в духе «Самоубийцам нет оправдания!». Идеологически случаи самоубийств осуждались как проявления «упаднических настроений». Само понятие «упадничество» (как и «есенинщина»), которое появилось в партийно-комсомольской лексике тех лет, стало синонимом «недостойного поведения», «ухода молодежи от революционных идеалов», неверия в силу и мощь партии и социализма.

В целом, в этот период наметилась тенденция политизации случаев девиантного поведения. Его существование в советском обществе связывалось с наследием прошлого режима, а исчезновение - с построением социалистического общества. Подобная позиция упрощала проблему, не позволяла должным образом реагировать на истинные причины, ее порождающие. Сведение же особенностей молодежи к классовым, зачастую приводило к игнорированию ее потребностей и интересов как особой социальной группы.

Литература:

1. Государственный Архив Витебской Области. Ф. 2289. Оп. 2. «Заря Запада». № 218 19 сентября 1928 г.
2. Курков Илья Безработица является поводом для проституции» (Из документов женотдела ЦК КП(б)Б 1920-х гг.) // Женщины на краю Европы./Под ред. Е. Гаповой Мн.: ЕГУ, 2003.
3. Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость: Страницы истории / Под ред. М.О. Бича. Мн.: Наука и техника. 1988. – 165 с
4. «Заря Запада», 1926, 25 июля, № 169
5. ГАВО. Ф. 10137. Оп. 1. Д. 28 Секретно Письмо ЦК ЛКСМБ Витебскому окружному